

Говорят, за Говорухиным стоит какая-то сила. Да, сам Говорухин

...Видели ли вы когда-нибудь, как Станислав Сергеевич Говорухин входит в аудиторию, кинозал, ресторан, в кадр; как ступает на съемочную площадку? Или как говорит перед камерой, отвечает своим оппонентам?

Во всем впечатление силы, идущей даже не столько от своего видного кинематографического положения, а скорее от самоощущения себя на своей земле, в своей стране, в своем мире. Он неотражим именно внутренней человеческой состоятельностью. Такие люди интересны не от премьеры к премьере, а и в «межсезонье», когда, кажется, ничего не делают, отдыхают или только к чему-то готовятся. На самом же деле — они в процессе...

Прислушалась кассету нашего разговора со Станиславом Сергеевичем и решил: если исключить мои вопросы и оставить одни ответы, получится монолог о жизни вообще. Так и воспринимайте.

...Чем я сейчас занят? Кино снимаю. Тоже публицистика, наваянная фильмом «Так жить нельзя». Когда его снял, в тот же момент понял — он устарел. Как, впрочем, всякая публицистика, стареющая очень быстро. Понял, что копали неглубоко,

недалеко... Даже несмотря на всеобщее признание.

Называется фильм «Россия, которую мы потеряли».

Потребность публицистического высказывания сопровождала всю жизнь. Я с нее, можно сказать, начал. Потом понял — правду говорить нельзя, неправду — стыдно. Бросил. Хотя часто думал, что мне надо было бы работать в газете. Оттепель закончилась, вранье прибывало, словом, бросил. Возобновил свои публицистические занятия с приходом Горбачева, можно сказать, я ему этим обязан.

А пишу трудно. И дело не в подборе слов — трудно докопаться до мысли, сформулировать концепцию. Я на один вопрос все время отвечаю: почему мы такими стали, почему мы такие, какие есть? Ответ ищется долго.

За последнее время снялся в нескольких небольших ролях в фильмах других режиссеров. Особенного труда сыграть то, что предлагают, не составляет. Меня много зовут — в год до десятка сценариев, но я не иду. Предлагают в основном каких-то мафиози.

Можно ли сейчас заниматься искусством — во время всеобщей апатии, растерянности, так сказать, на краю?

Почему же нельзя? А когда же? Ведь наша болезнь в том, что мы духовно поражены, иссякли именно духовные силы нации. И это можно лечить только искусством. О том и Солженицын пишет — никакое наилучшее государственное устройство не спасет от смерти, если не собрать, не возродить духовные силы народа. Отсюда — задача художника.

Но дело в том, что сами художники бесконечно больны. Из всех свобод на первый план вышла свобода бессовестности.

И дело не в жизни, что ж, там не осталось достойного человека, поступка? Нет, дело в художнике. Помните, по Оскару Уайльду: искусство, конечно, зеркало, но отражает не самую жизнь, а того, кто в него смотрится. Наше искусство, в частности кинематограф, отражает нищенское состояние духа художника.

На что были использованы эти шесть лет перестройки кинематографа? Каждый занимался своими проблемами — сколачивал капитал. Одни — финансовый, другие — политический.

Сейчас все, как послушаете, стремиться чем-то овладеть: открыть газету, телеканал, основать ассоциацию.

Я ничего этого не хочу. Вижу, что инициативы и киностудии создаются для выполнения какой-то своей программы. Духовно излечить народ? Помочь ему? Нет, что вы. Все заняты одним — создать собственное дело. Подоплека-то всех этих совместных предприятий, к сожалению, проста.

Есть замечательные примеры. Образовалась АСК — американско-советская киноассоциация. Начали с торговли компьютерами. Вот и вся инициатива. Немножко распродают страну, как, впрочем, сейчас поступают многие. Или другой замечательный пример — встретил недавно помережа по моему первому фильму «Вертикаль». Он давно уехал в Америку, а у нас появился вдруг на фестивале. Ничего, конечно, Леня наш там не добился — не бедствует, но и

живет весьма посредственно. Говорю — как дела, как жизнь, что приехал? Отвечает — хочу торговать с Союзом, хочу покупать лес, ну и так далее. А у тебя деньги есть? Нет. А как же ты? Он наклоняется и шепчет — ты что ж, не знаешь наших людей, я за видео и подержанные машины всю страну скуплю. И он уже скупил. Прошло восемь месяцев, включаю случайно телевизор — сидят наши молодые бизнесмены, а в центре Леня Мак. Учат их жить, торговать, рассказывает, как следует дело ставить. И я уже понял — туда пошли удобрения, мочевины, лес... И все просто: нашел какие-то первоначальные средства, это довольно легко, всегда найдутся люди, готовые рискнуть сотней тысяч. И действительно, за видео и конверт с жалкой суммой он прибавляет к рукам наши ресурсы — методично, спокойно.

Во мне не зависть говорит. Это меня никогда не волновало. Я на жизнь всегда зарабатываю, у меня достаточно много профессий и талантов. Стоит только головой кивнуть — тут же предложат работу интересную, за русские деньги, за американские. Только кивнуть, сказать — да, согласен, и все. Во мне нет зависти. Но обидно же, черт побери.

Хотел бы сказать об этом в своем фильме. Но я так запутался... Период безвластия, распад структур — всех. Самое удобное время грабить страну, наживаться. Причем это можно делать под любым флагом — консерваторов, демократов.

Я к чему это? Все говорят — ну знаешь, к рынку, к капитализму никогда не приходили честно, первые накопления были нажиты преступно. Я не хочу в это верить, даже если это и так.

Проблема обустройства России всерьез занимает сегодня многие честные умы. Есть ли у меня какие-то «поисленные соображения» на этот счет? Верю ли я вообще в народоустроительную идею как таковую?

Пожалуй, нет. Мы все до одного — дети матросов с маузерами. Октябрьская революция — это революция меньшинства против большинства. Ее осуществили полунинтеллигентные, люди, не имевшие ни стыда, ни совести. В качестве помощников использовали самые худшие слои нации.

Матросы и солдаты на первом съезде Учредительного собрания, вдребезги пьяные, развлекались тем, что направляли ружья на ораторов. Мы знаем, что делегаты от

крестьян и рабочих в Зимнем дворце использовали драгоценные вазы под ночные горшки. Все мы знаем про нечеловеческую порчу, которая овладела страной. И как легко оказалось руководить народом, поднять его на жуткое дело, от которого потом все и погубили.

Так где же в толще народной этот защитный механизм, почему не сработал? Почему сейчас не сработывает?..

Так я думал до известных августовских трех дней. Услышал сообщение и сказал: «Все! Мы умрем при тоталитарном режиме». Начало переворота застало меня в российской провинции. Там словно ждали его. Люди измучены голодом, ругают Горбачева. На этом-то и хотели сыграть. Словом, на народ я не надеялся. Это не Москва, здесь все же очень просвещенное население. Кстати, это особенность тоталитарных государств.

И уже только у «Белого дома» понял — народ стал другим. Я даже задумался — Россию действительно ждет великое будущее, хотя нам его не дожидаться.

За три дня у Ельцина появилось государство. Может быть, он и не то, о чем мечталось, он не тот «просвещен-

ный диктатор», которому можно доверить страну. Не Сахаров, к примеру. Но он уже ученик Сахарова, не надо забывать. Он, пробиваясь к власти, образовывался на глазах.

Эх, сейчас схватиться бы с врагами, что еще не разбиты, — голод, анархия, преступность, невежество, разруха в культуре...

Спасала, пока не была разрушена, не выведена за черту реальной жизни, Церковь. Именно в этом Бердяев видит причину наших бедствий. И нужны уже чрезвычайные меры. Нужны. Я, например, даже не против цензуры. Но не той, которая насаждалась. Нет, нам нужна цензура против лжи, против фальсификации истории. И, что грустно, лгут даже демократические газеты.

К тому же у нас свои демографические проблемы. Все потихоньку пьют. Но так, как русский мужик, русская деревня, — никто. Если Россия сейчас останется одна, даже без прекрасной, замечательной Украины (как мне это ни жалко), она имеет больше шансов возродиться. У нас все для этого есть.

Записал
А. КОЛЕСНИКОВ.